

Litera

Правильная ссылка на статью:

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. — Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах // Litera. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40622 EDN: HQJANA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40622

Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах

Голованивская Мария Константиновна

доктор филологических наук

Профессор, Кафедра региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

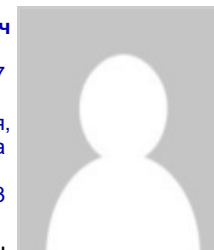
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com**Ефименко Николай Александрович**

ORCID: 0000-0002-4003-5887

Студент, Кафедра Региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.5.40622

EDN:

HQJANA

Дата направления статьи в редакцию:

30-04-2023

Аннотация: В статье исследуется понятие «истина» в трех языковых картинах мира – русской, французской и китайской. Исследование является контрастивным, полученные результаты сопоставляются. Описание каждого понятия производится по четкому алгоритму: исследуется этимология слова, мифологические корни понятия, его сочетаемость, из сочетаемости вычленяется вещественная коннотация по В. А. Успенскому, производится сопоставление словарных дефиниций. Цель исследования – на материале семантического поля понятия «истина» в русском, французской и китайском языках выявить особенности представления этого понятия в разных

культурах. Сопоставление проводится с целью увидеть сходства и различия в мировоззренческой картине разных народов. Научными методами исследования являются такие методы, как: сравнительно-исторический метод, метод обобщения, метод семантического анализа. Данная тема является слабоизученной и актуальной, ведь ранее не наблюдалось лингвокультурологических исследований, анализирующих это понятие в русском, французском и китайском языках и культурах, что составляет научную новизну работы. Полученные результаты будут нести огромный вклад в содействии взаимопонимания между народами, образуя, своего рода, понятийный мост для представителей разных культур, а также будут использованы при чтении учебных курсов по регионоведению, сравнительному изучению культур, в ходе преподавания соответствующих языков.

Ключевые слова:

языковая картина мира, контрастивное исследование, истина, лингвокультурология, семантический анализ, сравнительно-сопоставительная лингвистика, вещественная коннотация, китайский язык, русский язык, французский язык

Категории истины, истинного, как и ложного, по-разному трактуются на протяжении развития европейской цивилизации представителями различных философских течений [12], [15]: так или иначе, но истина есть знание, и вопрос лишь в том, кто может обладать ею и в какой форме – Бог, человек или природа. Идея познаваемости/непознаваемости мира, непосредственно примыкающая к представлениям о специфичности истины, со времен античности делит не только философов, но и обычных граждан на два лагеря: одни полагают, что они знают или могут знать истину в отношении чего-либо, другие уверены, что нет и истина является предметом специального знания. От этого последнего соображения возникла в современной цивилизации мифология, представляющая научное познание как процесс поиска истины, структурированный, пошагово описанный, как бы выверенный в веках и сверенный с когнитивными техниками, выдающими себя за когнитивные идеалы. Дедукция, индукция, эксперимент, статистика, экстраполяция и так далее – все это приемы современного научного метода, на сегодняшний день являющиеся догматами, не подлежащими обсуждению. Такой взгляд на вещи так или иначе связан с нашими (европейскими в широком смысле слова) представлениями о характере истины, закрытой, спрятанной и подлежащей выявлению только с помощью вот такого особенного скальпеля (или консервного ножа).

Мы не отыщем понятия «ложь» ни в одной философской или мифологической энциклопедии. Это весьма удивительно, ведь если представлено понятие истины, логично представить и понятие лжи. Этот пробел восполняют логические словари [13], где истина и ложность представляют противоположные категории, доводя эту пару до уровня бинарного противопоставления и возводя ее в ранг древней близнечной оппозиции. При этом очевидно, что эти понятия выступают в этой бинарной системе несамостоятельно, а так продолжение глобальных членов противопоставления – добра и зла. Так, истина явно лежит в плоскости добра, а ложь, даже на образном уровне ассоциируемая с искажением, кривым зеркалом, лежит в плоскости зла (вспомним, что зло нередко ассоциируется в культурах кривизной).

Рассмотрим русские понятия истина, правда/ложь, обман, описывающие понятийное гнездо, о котором мы говорим.

Истина – достоверное знание, объективное знание, доступное не человеку, но лишь высшему началу, связано со староставянской истиной, обозначающей правду, верность, законность. В «Судебнике» 1497 года, своде русского государства, слово истина встречается в значении «основной, без процентов капитал», производно от истый – подлинный, действенный, настоящий. Это суть, квинтэссенция русского понятия «истины»: истина это то, что есть, то, что можно предъявить, уже отмечено у Даля. Даль комментирует это значение так: истина – наличные деньги, то есть не мнимое, оборотное или долговое богатство, а истинное, наличное.

Отмечает Даль еще один любопытный факт: истина, по его словам, – "все, что подлинно, точно справедливо, ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее под словом правда понимать правдивость". Истина, поясняет он, от земли, а правда с небес.

То есть, если сопоставлять реальность, описанную Далем, она принципиально не совпадает с сегодняшней, ведь сегодня именно истина – высшее, небесное знание, а правда, как мы увидим, это то, что видно и известно смертным людям.

Это в полной мере подтверждает современный исследователь, известный лингвист Н. Д. Арутюнова: «Концепт истины противопоставляет идеальный и материальный миры, используя следующие признаки: *вечное/временное* (пребывающее/преходящее), *неизменное/изменчивое* (твердь и хлябь), *ненаблюдаемое/наблюдаемое* (ноумен и феномен), *подлинное и мнимое* .

Первые – немаркированные члены этой оппозиции образуют концепт истины... Истина статична. Она существует в вечности. Она отвлечена от осей времени и пространства» [1]. По отношению к определению, данному Владимиром Далем, верна только последняя оппозиция (подлинное/мнимое), а все остальное вполне можно было отнести, если говорить о «его» реальности, к правде, на протяжении столетий считавшейся высшей и небесной сущностью, будучи результатом правильного, праведного Божьего суда.

В «Голубиной книге» (XII-XIII век) читаем: «Это не два зверя собиралися, не два лютые собегалися: Это Правда с Кривдой соходилися. Промежду собой они бились-дралися. Правда Кривду одолеть хочет. Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса... А Кривда пошла у нас вся по всей земле». Из этого текста мы видим, что на протяжении многих веков именно Правда была небожительницей, а отнюдь не истина.

Такая перемена в распределении коннотации «высшее/не высшее» кажется нам вполне понятным и связанным с представлением о высшем в предыдущие эпохи и в настоящее время. В дорационалистическую эпоху высшее ассоциировалось с сильным государством, во главе которого находился Государь-Бог [11], одна из основных функций которого – судить и карать (творить высший суд). В современную эпоху, представляющуюся как эклектическое смешение мистического и рационального, высшее ассоциируется как инвентарь абсолютов, статичных и неизменных, список непостижимых аксиом и законов, а отнюдь не как некое государство, возглавляемое царем-монархом-императором-богом.

Но определение правды осталось прерогативой суда (свидетель, как и подсудимый, клянутся «говорить правду и только правду»), высшая цель которого все-таки в определении истины. Этот последний употребленный контекст подводят к описанию различий между понятиями правды и истины в современной русской ментальности, которые убедительно описаны также в одной из замечательных статей Н. Д. Арутюновой «Истина: фон и коннотации» [2]. Мы присоединяемся в изложенному в работе анализу,

основные тезисы которого сводятся к следующему:

1. В русском языке понятие истины распределено между двумя словами - истина и правда.
2. Разделение истины и правды связано с принципиальным различием в природе соотносительных миров, один из которых принадлежит к реальному, другой - к идеальному плану.
3. Истина вечна и неизменна и это имплицитно ее тождественность самой себе.
4. Об истине говорят в терминах религии и в терминах права. Религиозная истина достигается откровением, эпистемическая - открытием, судебная - раскрытием. Существует два представления об истине - религиозное и эпистемическое.
5. Проекция божественного мира на жизнь и речевую деятельность людей называется словом правда. Правда - это отраженная истина, преломившаяся в бесконечном количестве граней жизни. Мы говорим жизненная правда, правда жизни, но не * жизненная истина. Правда касается только одушевленного мира.
6. Истина едина, правда множественна и у каждого своя. К правде легко переходят характеристики человека (босая правда, наша правда пахнет водкой и пр.)
7. Правда ассоциирована со слабейшими, с обездоленными (можно, сказать правда народа, но не * правда дворянства). «За правду!» - девиз восставших, защитники устоев борются под другими лозунгами. Правда превращает «врагов против» во «врагов за». Истине служат жрецы религии и науки, правде - борцы и защитники угнетенных. Стихия истины - борения духа, стихия правды - социальная борьба.
8. Правда перетягивает на себя не только характеристики человека, но его жизни (солдатская правда, тягостная правда), но это возможно лишь в случае их негативных оценок.

В русском языке слово истина имеет следующую сочетаемость:

Найти, открыть, достичь, постичь, познать, знать, подтверждать, понимать истину; свет истины, истина озаряет, истина рождается в споре;

Докопаться до истины, проникнуться истиной; искания, поиски истины;

Истина скрыта, находится где-либо, открывается кому-либо; старая, прописная, избитая, азбучная, банальная, пошлая, надоедливая, навязшая в зубах, плоская, бездарная и пр. истина.

Из приведенной сочетаемости отчетливо видны две вещественные коннотации понятия «истина»:

1. Клад (искать, откопать, найти, открыть и так далее) - отсюда образ открытия
2. Книга, учебник, священное писание, учитель (старая, прописная, плоская) и пр.

Первая коннотация «клад» имеет богатый источник в индоевропейских мифологиях, связанный с мотивом сокрытости познания (Адам и Ева, царь Эдип и так далее узнавали то, что не должны были узнать, за что были наказаны). Мотив преследования человека за своевольное постижение истины связывается некоторыми исследователями с мотивом узурпации человеком неположенного ему в более широком контексте. Так, в своем

«Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» М. М. Маковский отмечает связь слов со значением «истина» со словами, имеющими фаллическое значение, то есть с древнейшим пластом верований, уравнивающих сексуальное и сакральное.

Мы будем подробнее анализировать этот образ позднее в главе, посвященной основным мыслительным категориям, а сейчас отметим только тот факт, что в образном плане понятие истины коннотировано так же, как и многие слова из группы, описывающей когнитивное поле.

Вторая коннотация – книга, учебник, привязана к системе образования, тиражирования принятого набора установлений. Неизменность «практических истин» часто вызывает негативную оценку человека, повторение одно и того же связывается с образом пережевывания – действие монотонное и при чрезмерности неприятное: все навязшее в зубах – лишнее и надоевшее. «Избитая» в значении «изношенная» (ср. избитые каблуки), а также плоская истина подчеркивают присутствующую в языковом сознании идею старения, изнашиваемости истины со временем, что противоречит ее философской интерпретации. Негативно-оценочные прилагательные, сочетающиеся со словом «истина», открывают двойственное отношение человека к неизменяемому – привыкание, пресыщение, отвращение, но также и спокойствие, уверенность. Некоторые признаки истины «надоедливая, бездарная» явно перенесены на нее из образа учителя – это он бездарен, надоедлив, назойлив, плосок и так далее.

Свет истины означает расположение ее над, на небе, приписывание ей божественной сущности.

Выражение «истина рождается в споре», очевидно, является заимствованием из европейского словообращения, в свою очередь почерпнувшего эту сентенцию у античных авторов.

Слово «правда» этимологически связано со словом право (Фасмер, Даль), с отправлением суда, с честностью и справедливостью. Даль указывает на специальное значение слова «правда», обозначавшее «пошлина за призыв свидетеля к допросу», а также определял его как «истину на деле, ... в правосудии, в справедливости». Для нас важна близость слова «правда» со словом правый, исконно, в противоположность понятию левый, обозначавшее сильный (сравни – правая рука), правильный, прямой. Такие ассоциации имеют, как мы уже говорили, индоевропейские истоки, находя отклики в «Ригведе», в древнегреческом предправе в виде противопоставления двух правд – двух Дике, отразившихся в древнегреческой трагедии (*).

Слово «правда» в русском языке имеет следующую сочетаемость:

Правда жизни, жизненная правда;

У каждого своя правда; Сермяжная, солдатская, крестьянская, рабочая и пр. правда; Высшая, истинная правда; Правда пахнет потом, водкой, раскаяньем и пр. Голос правды, слышать голос правды; Сказать, открыть правду;

Чинить суд, издеваться над правдой, втоптывать правду в грязь, удушать правду и пр. Искать правду, жить со своей правдой;

Смотреть правде в глаза, правда глаза колет; Бороться за правду, отстаивать, защищать правду, жертвовать собой или чем-либо во имя правды; Правда торжествует, побеждает;

Горькая, тягостная, жестокая, трагическая, унылая, неутешительная и пр.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что правда в русском языке мыслиться как:

1. Девушка из низов. Это понятие персонифицируется в женском образе, она у каждого (не у каждой) - своя, каждый живет со своей правдой, она наделена голосом, слаба и нуждается в защите, в борьбе за нее, может приукрашиваться и рядиться. В сочетаемости этого слова есть множество контекстов, развивающее образ несправедливо угнетаемой девушки из низов, за которую борются, заступаются.

2. Вторая очевидная коннотация – жидкость, имеющая горький вкус. В этом смысле горькая правда часто описывается в языке как лекарство, которое надо принять с благотворной целью. В этот же стереотип ложится «откушать правды, откушать фундаментальных истин». Прилагательное «чистая» ассоциирует правду с веществами, в которых обычно присутствуют примеси.

3. Светило, которое, как правило, светит угнетенным – с нюансом, отличающим это понятие от понятия «истина», которое сияет вечным божественным светом.

Представление понятия «истина» во французском языке и культуре

Французское слово *la vérité* произошло от латинского *verita, veritatis*, означавшего «правда, реальность, законы права». Это старое заимствование, однако, современная форма этого слова установилась лишь в эпоху Возрождения. С конца X века этим словом обозначали мнение, соответствующее реальному положению вещей и противопоставляли *erreur*. Затем у слова развился более общий смысл: соответствие идеи объекту, рассказа факту, слова мысли. С конца XV века *vérité* употребляется с общим смыслом «реальность». С XVIII века к описанному смыслу добавляется еще один: искренний пересказ того, что человек видел, знает [6].

Слово *vérité* в современном языке означает правдивый пересказ реальности, или же мысль, соответствующую реальности. Таким образом, *vérité* – не сама реальность, пускай даже высшая, как это имеет место в русском языке, а человеческая функция, эквивалент правды [4].

Слово *vérité* так употребляется в современном французском языке [19]:

Chercher, prétendre, posséder, reveler, découvrir, démeler, égager, discerner, rétablir, confesser, avouer, reconnaître, traduire, défendre, illustrer, propager la vérité;

Voiler, farder, déguiser, cacher, saisir, aimer, craindre, avoir peur de, écouter, oublier la vérité;

Donner une contortion a la vérité, écorcher la vérité;

Du choc des idées jaillit la vérité; Etre epris, penetrer de vérité;

La vérité apparait, eclate, offense, blesse, se trouve; dire ses quatre vérités;

Les vérités absolus supposent un Etre absolu comme elles; Amour, besoin, soucis de vérité;

Parcelle de vérité; La vérité imparfate et privisoire;

La vérité grosse, utile, profonde, incontestable, flagrante, patente, sensible, palpable, nue, vieille, connue.

Слово *la vérité* входит в такой синонимический ряд: *lumiere, verbe, lucidite, sincerité, exactitude, justesse, valeur, vrassemblance, certitude, conviction*.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *vérité* во французском языке имеет множество коннотаций. Среди них основные следующие:

1. *Vérité* как текст. Ее можно переводить, иллюстрировать, слушать, говорить.
2. *Vérité* как женщина и просто одушевленное существо. Ее можно приукрашивать (накладывать макияж), рядить, любить, заботиться о ней, оскорблять ее, бояться, прятать, она может быть толстой и полезной, разумной, осязаемой и пр.
3. *Vérité* как спрятанная или смешанная с инородным веществом субстанция: ее можно отделять, обнаруживать, у нее может быть частичка и пр.
4. *Vérité* как дерево: с нее можно сдирать кожу и скручивать.
5. *Vérité* как жидкость: она может брызгать как струя воды из столкновения идей, ею можно пропитаться.

Синонимический ряд, к который входит *vérité*, показывает нам, что она мыслится через субъективные ментальные характеристики человека и связана прежде всего с его разумом и желанием говорить искренне.

Сочетаемость слова *vérité* показывает нам, что это понятие имеет положительную коннотацию, часто встречается со сниженными глаголами и прилагательными (*grosse, farder*), характеризует мирскую человеческую ипостась (*vérité imparfaite et provisoire*), связана с общением, социальной жизнью, но не борьбой, воспринимается человеком как внешний предмет или персонаж, с которым, впрочем, никак не идентифицируется. Отметим также, что описанный у Чезаре Рипо образ по всей видимости характеризует высший философско-теологический взгляд на *vérité*, отражающий лишь фрагменты бытовой образной конкретизации. Контексты, персонифицирующие *vérité* в качестве агрессивной силы, немногочисленны, французская правда может ранить и оскорблять, но дальнейшего развития «воинствующего» образа *vérité* не произошло. Осталась также сочетаемость этого слова с глаголами, идентифицирующего его со светилем (появляется, озаряет), но это также скорее рудименты некогда существовавшего образа, нежели целостный, осмысливаемый как живой образ в рамках современного языкового сознания носителей французского языка.

Представление понятия «правды», через субъективное отражение реальности в противовес объективному во французском языке выражено смазанно. Русское выражение «у каждого своя правда» предпочтительно перевести как «Chacun a ses raisons» – у каждого свои причины. Можно сказать и «A chacun sa vérité», однако первый вариант перевода значительно частотнее и предпочтительнее.

Представление понятия «истина» в китайском языке и культуре

Ключевой лексемой семантического поля понятия «истина» является 理 *lǐ*. Для лучшего понимания темы мы обратимся к лингвокультурологическому методу, проводя семантический анализ лексем, выделенных из «Частотного словаря современного китайского языка» [20]. Примеры сочетаемости в основном взяты из различных словарных источников [21],[22],[23],[3], а также из системы языкового корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета [20].

理 *lǐ* является иероглифом фонетической категории, где ключ 王 *wáng* обозначал нефрит, а правая часть 里 *lǐ*, кроме фонетической функции, обозначала мастерскую; изначальным значением иероглифа было «переработка руды в нефрит» [27, с. 20].

Во время династий Северной Сун (960-1127) и Южной Сун (1128-1279) появилось течение неоконфуцианство, имеющее 3 названия: 宋学 *sòngxué* «учение Сун», 理学 *lǐxué* «учение Ли», 道学 *dàoxué* «учение Дао». Несмотря на то, что они подразумевали одно и то же, акцент в них делался на разное. В первом варианте название появилось благодаря времени возникновения данного философского направления и имело обобщающий характер. Во втором и третьем названиях уклон делается на разницу в содержании философского мнения: в «учении Ли» считали, что «理» *lǐ* — это вечная духовная сущность, существующая до Вселенной, и все в мире может быть выведено только из «理» *lǐ*; в «учении Дао» считали, что субъективное сознание есть источник всего в производном мире. Таким образом мы видим, что 理 *lǐ* всегда имело подвижность, это то, как изменяется изначальная форма, и только если найти это начало, то тогда можно познать истину в бесконечно изменяющемся мире. Данная точка зрения будет прослеживаться во всех лексемах, которые будут описаны ниже.

Для обозначения понятия «истина» можно выделить следующий синонимический ряд: 真理 *zhēnlǐ*, 道理 *dàolǐ*, 天理 *tiānlǐ*.

I. 真 *zhēn* является иероглифом идеографической категории, состоящим из трех элементов, где верхняя часть обозначает человека, средняя часть обозначает глаза, а нижняя часть обозначает инструмент, с помощью которого святой-бессмертный возносился на небо. Поэтому изначальным значением иероглифа было «человек, ставший небожителем» [25, с. 442], далее он стал значить «сущность, соответствующая объективным фактам» [26]. Из этимологии видна явная связь с даосской культурой: если судить по даосской философии, то у человека есть два способа усовершенствования и достижения бессмертия – внешняя алхимия и внутренняя алхимия, где в первом человек достигает вечной жизни с помощью принятия пилюли бессмертия, а во втором организм человека становится местом экстракции, где телесная сущность – Цзин, Ци и Шэнь играют главную роль. В этимологии данной лексемы как раз показан способ усовершенствования путем внутренней алхимии, где человек не только достигает бессмертия, но также познает сущность земную и приобщается к лику святых, становясь 真人 *zhēnrén* (дословно «настоящим человеком»).

Сочетание данных лексем 真 *zhēn* и 理 *lǐ* образует самое частотное слово для обозначения истины в китайском языке – 真理 *zhēnlǐ* [20]. Таким образом, изначальное в китайской культуре истина представлялась как квинтэссенция методов тех, кто достиг абсолютного совершенствования через познание и стал святым. Данный мотив, где мысли мудрых старцев ассоциируются с истиной, уже давно укоренился в китайской культуре. Как пример можно взять понятие 秘籍 *mìjí*, которое часто встречается в китайской классической литературе. Это книга, в которой написаны все секреты какого-либо боевого искусства, и человек может познать истину боевого искусства только после прочтения таких книг, а самому её познать является практически невероятным. Данный мотив подтверждает важность и уважение китайцев к традициям и древней мудрости, что до сих пор актуально.

Важно отметить, что в китайском языке истина является измеряемым понятием, оно может сочетаться со счетным словом 条 *tiáo*, которое сочетается для обозначения продолжительных явлений. Это ещё раз указывает на две особенности представления

истины в китайской языковой картине мира:

1. Допускается более чем одна истина.
2. Познание истины для китайцев всегда является процессом.

Далее мы перейдем к сочетаемости этой лексемы, чтобы выявить ее вещественную коннотацию: 检验真理 *jiǎnyàn zhēnlǐ* «проверять истину», 传播真理 *chuánbō zhēnlǐ* «распространять истину», 追求真理 *zhuīqiú zhēnlǐ* «гнаться за истиной», 发现真理 *fāxiàn zhēnlǐ* «обнаружить истину», 接近真理 *jiējìn zhēnlǐ* «приблизиться к истине», 到达真理 *dàodá zhēnlǐ* «дойти до истины», 见到真理 *jiàndào zhēnlǐ* «встретить истину», 得到真理 *dédào zhēnlǐ* «получить истину», 尊重真理 *zūnzhòng zhēnlǐ* «уважать истину», 引出真理 *yǐnchū zhēnlǐ* «выводить истину», 表明真理 *biǎomíng zhēnlǐ* «выражать истину», 追寻真理 *zhuīxún zhēnlǐ* «следовать за истиной», 寻求真理 *xúnqiú zhēnlǐ* «изыскивать истину», 考验真理 *kǎoyàn zhēnlǐ* «испытывать истину», 判断真理 *pànduàn zhēnlǐ* «оценивать истину», 坚信真理 *jiānxìn zhēnlǐ* «верить в истину», 认识真理 *rènshí zhēnlǐ* «узнавать истину», 形容真理 *xíngróng zhēnlǐ* «описывать истину», 承认真理 *chéngrèn zhēnlǐ* «признавать истину», 献身于真理 *xiànshēn yú zhēnlǐ* «посвящать себя истине», 坚持真理 *jiānchí zhēnlǐ* «придерживаться истины», 信仰真理 *xìnyǎng zhēnlǐ* «исповедовать истину», 求索真理 *qiúsuo zhēnlǐ* «искать истину», 爱真理 *ài zhēnlǐ* «любить истину», 找出真理 *zhǎochū zhēnlǐ* «обнаружить истину», 掌握真理 *zhǎngwò zhēnlǐ* «овладеть истиной», 讲真理 *jiǎng zhēnlǐ* «говорить об истине», 呈现真理 *chéngxiàn zhēnlǐ* «показывать истину», 求得真理 *qiúdé zhēnlǐ* «добиваться истины», 探索真理 *tànsuǒ zhēnlǐ* «поиск истины», 争取真理 *zhēngqǔ zhēnlǐ* «бороться за истину», 恪守真理 *kèshǒu zhēnlǐ* «сохранять истину», 悟出真理 *wùchū zhēnlǐ* «понять истину», 认识真理 *rènshí zhēnlǐ* «знакомиться с истиной», 将生命 献给真理 *jiāng shēngmìng xiàngěi zhēnlǐ* «посвятить жизнь истине», 宣传真理 *xuānchuán zhēnlǐ* «распространять истину», 探求真理 *tànqiú zhēnlǐ* «доискиваться истины», 怀疑真理 *huáiyí zhēnlǐ* «сомневаться в истине», 捍卫真理 *hànwèi zhēnlǐ* «защищать истину», 寻找真理 *xúnzhǎo zhēnlǐ* «искать истину», 遵循真理 *zūnxún zhēnlǐ* «следовать истине», 讨论真理 *tǎolùn zhēnlǐ* «обсуждать истину», 宣扬真理 *xuānyáng zhēnlǐ* «пропагандировать истину», 遵从真理 *zhuīcóng zhēnlǐ* «идти по стопам истины», 领悟真理 *lǐngwù zhēnlǐ* «осознать истину», 证实真理 *zhèngshí zhēnlǐ* «удостоверять истину», 揭示真理 *jiēshì zhēnlǐ* «раскрывать истину», 崇尚真理 *chóngshàng zhēnlǐ* «поклоняться истине», 发展真理 *fāzhǎn zhēnlǐ* «развивать истину», 违反真理 *wéifǎn zhēnlǐ* «противоречить истине», 违背真理 *wéibèi zhēnlǐ* «пойти наперекор истины».

Из приведенной сочетаемости мы видим, что 真理 *zhēnlǐ* имеет следующую вещественную коннотацию:

1. Золото. Это предмет, так как его можно получить физически, люди часто говорят о нем, а когда узнают, то борются за владение им, что подчеркивает его драгоценность: 讨论真理 *tǎolùn zhēnlǐ* «обсуждать истину», 求得真理 *qiúdé zhēnlǐ* «добиваться истины», 追求真理 *zhuīqiú zhēnlǐ* «гнаться за истиной», 掌握真理 *zhǎngwò zhēnlǐ* «овладеть истиной» и т. д. Однако данный предмет часто является подделкой, люди сомневаются в его чистоте и оригинальности. При обработке более чем 10 тыс. примеров из языкового корпуса было обнаружено, что чаще всего повторялось сочетание «проверять истину», также обнаружено большое количество синонимических рядов, которые показывают важность проверки предмета на аутентичность. В китайском языке есть фразеологизм 真金不怕火炼 *Zhēnjīn bùpà huǒ liàn* «настоящее золото огня не боится»: если расплавить золото, то его цвет и сущность никак не изменятся. В китайском мировоззрении истина по мотиву подлинности очень схожа с золотом, так как не важно, как доказывать неправоту истины: если она является действительной, то сможет выдержать любые испытания.

2. Утопия. Это место, так как человек может дойти до него, однако найти его непросто, ведь только единицы людей доходили и видели это место, но люди все равно верят в его существование и пробуют приблизиться к нему: 到达真理 *dàodá zhēnlǐ* «дойти до истины», 接近真理 *jiējìn zhēnlǐ* «приблизиться к истине» и т. д. В китайской культуре очень часто встречается мотив рая на земле, где все люди живут счастливо, что показано не только в литературных произведениях (например, в рассказе китайского поэта династии Восточная Цзинь Тао Юаньмина «桃花源记» *táohuāyuán jì* «Персиковый источник»), но и в китайской социальной философии, где начиная с древности люди пробовали добиться идеального общества – 大同 *dàtóng* «Великой гармонии». Истина по своему характеру также является высшей степенью познания, которую достичь фактически невозможно, что и привело к такой параллели в китайском сознании.

3. Экзотическое животное. Это существо, которое является очень редким, так как люди все время ищут его, а когда обнаружат, то гонятся, используют все способы, чтобы выманить его, для того чтобы овладеть и сделать собственным: 引出真理 *yǐnchū zhēnlǐ* «выводить истину», 寻找真理 *xúnzhǎo zhēnlǐ* «искать истину» и т. д. В данном случае истина представлена как редчайшее, практически мифическое животное, и сочетания подчеркивают именно сложность его обнаружения.

4. Великий лидер. Это величественный человек, люди часто говорят о нем, его все знают, народ любит, уважает и поклоняется ему, считает, что даже встреча с ним является честью: 爱真理 *ài zhēnlǐ* «любить истину», 崇尚真理 *chóngshàng zhēnlǐ* «поклоняться истине», 尊重真理 *zūnzhòng zhēnlǐ* «уважать истину», 追随真理 *zhuīcíng zhēnlǐ* «идти по стопам истины» и т. д. Если надо, то ради защиты его люди готовы посвятить жизнь, люди верны ему и следуют за ним без малейших колебаний. Конечно, есть и люди, которые идут против этого человека, но это является неправильным и описывается всегда только с отрицательной коннотацией. Здесь виден явный образ великого китайского императора, который считается сыном неба, его приказы и желания являются законом, и народ считает их истиной.

5. Идея. Это абстрактное понятие, так как оно появляется путем осознания и понимания; когда человек получил плод мыслей, то распространяет его, описывая и рассказывая его другим: 发展真理 *fāzhǎn zhēnlǐ* «развивать истину», 悟出真理 *wùchū zhēnlǐ* «понять истину», 判断真理 *pànduàn zhēnlǐ* «оценивать истину» и т. д. Если мнения людей не сходятся, то люди будут защищать свою точку зрения, дискутируя, и готовы ради своей мысли отдать жизнь. Но также её просто распространяют посреди народа, и со временем она развивается и принимает новый образ. Такое восприятие сильно связано с представлением о философии в китайской культуре. Как было выше сказано, истин в китайском мировоззрении может быть большое количество, и каждая философская школа придерживается своей идеи, которую считает за истину.

II. Иероглиф 道 *dào* появился в самой древней китайской письменности цзягувэнь и в изначальном варианте состоял из двух частей, где одна обозначала дорогу, а другая обозначала человека, поэтому изначальным значением иероглифа было «человек, идущий по дороге» [27, с. 133]. Дао является важнейшим понятием в китайской философии, обозначающим орбиту или траекторию всего, в том числе и нематериального. Философ Лао-цзы в основополагающем трактате даосского учения «Дао дэ цзин», используя дао, смог описать происхождение всего сущего и найти его закономерность: «道生一,一生二,二生三,三生万物.» *Dào shēng yī, yī shēng èr, èr shēng sān, sān shēng wànwù.* «Дао рождает Один, Один рождает Два, Два рождает Три, Три рождает все сущее» [28, с. 182]. Если говорить словами из трактата «И цзин», то под дао

подразумевается 无极 *wújí* «начало всех начал» [29], которое означает состояние первозданного хаоса, и 无极 *wújí* превращается в 太极 *tàijí* «великий предел» [29], а далее из 太极 *tàijí* выделяется две энергии – Инь и Ян. Как говорил другой представитель даосской философии 庄子 *zhuāng zǐ* Чжуан Цзи: «二与一为三» *Èr yǔ yī wéi sān* «Два с Один вместе становятся Три» [30], то есть энергия Инь и Ян не могут существовать друг без друга; если существует добро, то обязательно существует зло, и энергия, которая появляется при их столкновении, будет называться 冲气 *chōngqì*, и эти три энергии способны порождать все. Таким образом, видно, что дао является самым изначальным состоянием всего, что способствует бесконечному движению и изменениям всего. В таком случае в значении лексемы *истина* будет делаться уклон на субстанцию, на то, что было изначальным с предметом, а также подчеркиваться факт движения, где познание истины описывается как процесс.

В современном китайском языке, кроме истины, слово ещё может иметь значения «причина» или «подход», так как при использовании подразумевает сильную авторскую субъективность, которую можно даже понимать как точку зрения или мнение, которого придерживается кто-либо.

Если посмотреть на сочетаемость этой лексемы, то перед нами будет следующая картина: 讲透道理 *jiǎngtòu dàolǐ* «исчерпывающе изложить истину», 明白道理 *míngbái dàolǐ* «понять истину», 有道理 *yǒu dàolǐ* «иметь истину», 不懂道理 *bùdǒng dàolǐ* «не понимать истины», 悟出道理 *wùchū dàolǐ* «осознать истину», 说出道理 *shuōchū dàolǐ* «высказать истину», 体会道理 *tǐhuì dàolǐ* «почувствовать истину», 讲道理 *jiǎng dàolǐ* «толковать об истине», 懂道理 *dǒng dàolǐ* «понимать истину», 用道理 *yòng dàolǐ* «использовать истину», 得出道理 *déchū dàolǐ* «сделать истину», 求得道理 *qiúdé dàolǐ* «добиться истины», 相信道理 *xiāngxìn dàolǐ* «верить в истину», 证明道理 *zhèngmíng dàolǐ* «доказать истину».

Несложно заметить, что в данном случае важен мотив общения: если человек может убедить собеседника, то его истина будет считаться более правильной, и в данном случае истина уже не является тем, что реально правильно, а может быть тем, чему доверяет большинство.

III. Концепт 天 *tiān* «небо» является важной составляющей китайской культуры и конфуцианства. Этот концепт уже описывался в нашей статье «Представление о судьбе в русской, французской и китайской культурах», где подтверждается вера китайцев не в какого-либо особого бога, а в абстрактное «небо», приказы которого нельзя нарушать [5, с. 46]. В неоконфуцианстве 天理 *tiānlǐ* имело особое значение, о чем много говорил философ Чэн Хао, который первым предложил обозначить 天理 *tiānlǐ* как категорию неоконфуцианства. Если обратиться к трактату «Книга, оставленная в наследие господами Чэн из Хэнани», то сможем выделить следующие значения философской категории 天理 *tiānlǐ*:

1. 天理 *tiānlǐ* является источником всех вещей во Вселенной, где все произошло от одного единства [31, с. 133].
2. Иерархический порядок превосходства и подчиненности был установлен еще при рождении неба и земли, что нельзя изменять [31, с. 137].
3. 天理 *tiānlǐ* является закреплённой социальной этикой и моральными нормами, что также всегда является правильным [31, с. 138].
4. 天理 *tiānlǐ* имеет такое же значение как и 天命 *tiānmìng* «судьба»: если человек познал

свою судьбу, то он и познал всю истину [\[5, с. 45-46\], \[31, с. 48\]](#).

5. 天理 *tiānlǐ* является противоположным к 人欲 *rén yù* «человеческие страсти», и истина может быть только одна, которая является несомненной [\[31\]](#).

Тут мы видим, что конфуцианское представление об истине стало сильно отличаться от изначального даосского: речь стала идти не только о единстве природы и происхождении бытия, но иметь ещё и общественно-политический характер, связанный с иерархией и социальной этикой. Можно сказать, что даже все значение философии стало переходить от проблемы «небо-человек» к состоянию «человек-человек», что является не только важным, но фундаментальным для китайского общества.

Кроме вышеперечисленных лексем, в китайском языке имеется лексема 真谛 *zhēndì*. Это слово является семантическим заимствованием слова *paramārtha* из хинди, которое в буддизме обозначает высшую истину. Можно высказать предположение, что данное слово укоренилось благодаря буддийскому монаху Парамартха, китайское имя которого – 真谛 *zhēndì*. Он является одним из основоположников практики перевода буддийских текстов на китайский язык, так как, по данным языкового корпуса, именно с 6 века, когда этот монах начал свою деятельность в Китае, данное слово стало использоваться.

Если посмотреть на сочетаемость лексемы 真谛 *zhēndì*, можно заметить практическое отсутствие сочетаний с глаголами: в большинстве случаев слово употребляется в форме «истина чего-то», например, 管理的真谛 *guǎnlǐ de zhēndì* «истина менеджмента», 宇宙的真谛 *yǔzhòu de zhēndì* «истина вселенной», 人生的真谛 *rénshēng de zhēndì* «истина жизни» и т. д. Несмотря на весьма популярную используемость в современном китайском языке, слово ассоциируется все же только с изначальным буддийским значением, которое обозначает высшую правду какой-либо деятельности. Оно не смогло получить более глубокое развитие в китайской языковой картине мира.

В китайской наивной картине мира также существует представление о правде, отражаемое лексемой 真相 *zhēnxiàng*, однокоренной с 真理 *zhēnlǐ*.

相 *xiàng* является иероглифом идеографической категории, который начиная с письменности цзягувэнь до современного китайского языка состоит из двух однокомпонентных иероглифов: 木 *mù* и 目 *mù*, где 木 *mù* имело значение дерева, а 目 *mù* имело значение глаза. Данное сочетание связано с работой плотников в китайской культуре, где выбор древесины является важнейшим этапом. Поэтому до обработки дерева надо провести тщательное наблюдение, осмотреть его, чтобы найти лучшее сырье. Таким образом, изначальное значение слова было «тщательно наблюдать» [\[27, с. 280\]](#).

При сочетании в понятие 真相 *zhēnxiàng* оно также будет обозначать процесс, где человек через поиск находит материальную реальность, то, что является простым для сознания человека. Оно включает в себя все аспекты реальности, отражающие реальное положение вещей. Для выявления более конкретного характера обратимся к сочетаемости лексем: 歪曲真相 *wāiqū zhēnxiàng* «искажать правду», 揭示真相 *jiēshì zhēnxiàng* «выяснять правду», 掩盖真相 *yǎngài zhēnxiàng* «прикрывать правду», 遮蔽真相 *zhēbì zhēnxiàng* «загораживать правду», 明白真相 *míngbái zhēnxiàng* «понять правду», 了解真相 *liǎojiě zhēnxiàng* «выяснить правду», 说明真相 *shuōmíng zhēnxiàng* «объяснять правду», 知道真相 *zhīdào zhēnxiàng* «знать правду», 隐瞒真相 *yǐnmán zhēnxiàng* «скрывать правду», 洞察真相 *dòngchá zhēnxiàng* «проникнуть в суть правды», 看到真相 *kàndào zhēnxiàng* «увидеть правду», 寻找真相 *xúnzhǎo zhēnxiàng* «искать правду», 掌握真相

zhǎngwò zhēnxiàng «овладеть правдой», 得到真相 dédào zhēnxiàng «получить правду», 接近真相 jiējìn zhēnxiàng «приблизиться к правде», 发现真相 fāxiàn zhēnxiàng «найти правду», 远离真相 yuǎnlí zhēnxiàng «удаляться от правды», 追求真相 zhuīqiú zhēnxiàng «гнаться за правдой».

Несложно заметить, что сочетаемость с компонентом *правда* делится на 2 части: 1. Попытка скрыть правду и поставить ложь вместо неё. 2. Найти спрятанную правду. Также в языковом корпусе часто встречаются следующие сочетания: 所谓真相 suǒwèi zhēnxiàng «так называемая правда» или 虚假的真相 xūjiǎ de zhēnxiàng «ложная правда». Для выявления причин данного представления надо обратиться к концепту 权力 quánlì «власть», встречающемуся в разных контекстах, который доминирует над правдой.

Народ сомневается в правде, которая дается высшим сословием через бюрократическую систему, потому что чиновники могут ради своей выгоды заменить правду на ложь, и единственный способ нахождения реальной правды проходит через розыск и наблюдения самого человека, а не от слов других. Поэтому в китайской культуре принято считать, что правда, которую сказали другие люди, часто является ложью, и только то, что человек увидел своим глазами, может являться реальностью, что подтверждает следующая пословица: 耳听为虚, 眼见为实 ěrtīng wéi xū yǎnjiàn wéi shí «не верь чужим речам, а верь своим очам».

Посмотрим на название советской газеты «Правда», которая на китайский переведена как «真理报» Zhēnlǐ bào (прямой перевод должен был бы быть «газета "Истина"»). Если бы перевод использовал слово 真相 zhēnxiàng, то по содержанию газета должна была бы выявлять реальность чего-то, например, детектива, расследования, судебного дела и т. д., что абсолютно не подходило под значение, которое подразумевалось изначальным русским названием. Это подчеркивает, что «真理» zhēnlǐ и «真相» zhēnxiàng могут считаться синонимичными для русских понятий «истина» и «правда», но имеют отличия по культурному коду.

Выводы

Русская языковая картина в этой области отчетливо демонстрирует разделение понятийного поля на верх и низ, высшее и земное. Представление о небесной жизни, где орудует не пантеон богов, а добро и зло, показывает связанность русского сознания в этой области с христианской, а не языческой трактовкой мира. Однако языческие контексты – как славянские, так и общеевропейские присутствуют в образной структуре этого понятия. Разделение области знания на высшее и низшее, на истину и правду, идея слепоты человека перед высшим знанием, – все это трактовки библейских образов, отражение ее посылов.

Эволюция образа правды, которая дала нам феномен ее значения в XX веке, – это одно из последствий влияния на массовое сознание социо-культурного смысла, который мы в главе второй назвали «коммунизмом». Конструирование значения и аллегорий, его сопровождаемых, представляется прозрачным: правда в том, что народ угнетают, хотя «верхи» обманывают народ и унижают его, лживо убеждая его в том, что на самом деле они пекутся о его благе. Идея лживости власти, манипулятивности власти органично присутствует в русском сознании, располагая всю политическую конструкцию в системе координат «правда» и «ложь». Произведения Карла Маркса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого наполнены образами лживости власти и образами правды, которая и орудие в борьбе со старым порядком, и ее цель.

Проведя наше исследование, мы можем предположить, что эта модель оказалась

эффективной в рамках европейской смысловой и метафорической системы именно в силу связи лжи и зла, о которой мы говорили в этой главе. Единственный образный конфликт, который оказался присутствующим в этом образно-понятийном пространстве, – это именование революционеров, борющихся за правду, – левыми, то есть с точки зрения активного и актуального мифа – не-правыми. Многие знают объяснение этого факта, связанное с рассадкой членов парламента в соответствии со своими взглядами на заседании Национального собрания во Франции в 1789 году по правую и левую руку председателя. Анализировать этот факт можно разнообразно, мы отметим лишь в этой связи, что ассоциирование с левизной все же негативно и очевидно, что именование Ф. М. Достоевским своего романа о левых революционерах «Бесы» не случайно с точки зрения имеющих в языке и мышлении стереотипических подсказок.

Будучи по сути остатками старых мифов, старых мировоззренческих оппозиций, и русские, и французские понятия, описывающие эту бинарную оппозицию правдаложь, сохранили многое от древней символики. Образы светила, солнца, плохой воды, грязи, ткани, нити – все это универсальные метафоры, соединяющие индоевропейское образно-когнитивное поле в единый глобальный мировоззренческий фрагмент. Например, образ плетения интриг как паутины охватывает все поле, так сказать, речевого и событийного коварства: рассуждение, фраза, текст – плетутся, состоят из нитей, в которых можно запутаться (пути) или в которые запутать.

Метафора войны двух начал: *света и тьмы*, *правды и лжи* и так далее – также представлена в сочетаемости этих понятий в двух языках и также архаична. Война абстрактных, высших сил предшествует сотворению мира и разделению всего сущего на два противоположных пола, и все сущее часто в мифологических системах воспринимается как результат глобальных противостояний. Из сказанного здесь мы можем сделать вывод, что и русские, и французские понятия восходят к общим мифологическим прототипическим представлениям, связанным с исходным дуалистическим противопоставлением, частью которого является противопоставление в том числе и мужского и женского. Очевидно, что эти древнейшие мифы продолжают свою жизнь в современном сознании, отбросив в толще времени все то, что плохо согласовывалось с их логикой, в частности ассоциирование истины и наличных денег.

Китайская картина мира дает нам другой вектор, где идет четкий раздел понятия на две группы, которые сложно конкретно перевести на русский язык:

I. Первое представление основано на процессе уточнения предмета: как человек с помощью внутренних процессов познает то, что другие люди не способны познать, и мир, который его окружает, становится другим. Данная мысль появилась под влиянием даосизма, где процесс нахождения истины сопоставляется с внутренней алхимией.

В китайском языке понятие истины можно более точно выразить тремя лексемами: 真理 *zhēnlǐ*, 道理 *dàolǐ* и 天理 *tiānlǐ*. Первая лексема связана с изначальным состоянием предмета, в данном случае нахождение истины является нахождением исхода. Во второй лексеме истина является Дао, что тоже подразумевает исходное состояние. Однако лексема 真理 *zhēnlǐ* изначально была связана с возвещением святого к небесам, и в данном случае истина, которую можно познать, имеет особые рамки и является единственной, а лексема 道理 *dàolǐ* напрямую показывает черты даосской философии, где каждый человек может понимать Дао своеобразно и для каждого человека может существовать своя истина. Поэтому данная лексема является исчисляемой и на русский чаще переводится как *правда*. 天理 *tiānlǐ* связано с богоданным законом, который обязательно надо соблюдать; данное представление идет из конфуцианства и сильно

связано с представлением о судьбе, которая стала иметь социально-политический характер и действовать как обязательная моральная норма для людей тогдашнего общества. Также важно отметить лексику 真谛 *zhēndì*, которая пришла из санскрита под влиянием буддизма, однако она не смогла укорениться в китайской культуре и до сих пор используется именно как представление истины в буддизме.

II. Второе представление, которое передается лексемой 真相 *zhēnxiàng*, связано с другими реалиями. Чаще всего это скрытая правда, скрывающаяся ради своих интересов людьми, которые по иерархической системе находятся в более высоких классах. Для нахождения такой правды необходимо обращать внимание не на общие факты, а углубиться в детали, где человек сможет сделать свой вывод, а не слушать других и следовать ими. Данное представление имеет сильное влияние и в современности, что проявляется в слабом доверии народа к государственным извещениям.

Обобщение полученных результатов можно представить так:

Ключевой параметр	Русский менталитет	Французский менталитет	Китайский менталитет
Источник	1) правый, право 2) наличные деньги	1) реальность 2) закон	1) Переработка руды в нефрит 2) наблюдать
Актуальные взаимосвязи	1) недоступность 2) борьба	Ответственность	1) исход 2) процесс 3) реальность
Образ	Девушка из низов	Воинствующая красавица	1. Золото 2. Идеальное место 3. Редкое животное 4. Лидер
Членение ситуации	Два понятия, правда высшая и человеческая, разделение на верх и низ	Одно понятие	Два понятия: I. 1) 真理 <i>zhēnlǐ</i> - высшая истина, которую редко кто способен познать; 2) 道理 <i>dàolǐ</i> - истина, которой доверяет большинство; 3) 天理 <i>tiānlǐ</i> - богом данная истина (естественный закон). II. 真相 <i>zhēnxiàng</i> - реальность чего-либо, что обычно скрыто

Человек	Активен: истину ищет, за правду борется	Активен: делает действия с самой правдой (искажает, приукрашивает)	Активен: пробует овладеть ею (обнаружить, сохранить) Пассивен: слепо верит в истину (посвятить жизнь истине, следовать за истиной)
Влияние	Христианство, коммунизм,	Античность	Даосизм, конфуцианство, консервативная система власти

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. 320 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ естественного языка: культурные концепты. М., 1991. С. 21-31.
3. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 06.03.2023).
4. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1894. Т. XII. 495 с.
5. Головановская М. К., Ефименко Н. А. Представление о судьбе в русской, французской и китайской культурах // Философская мысль. 2022. № 10. С. 35–53.
6. Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Москва: Языки славянских культур, 2009. 376 с.
7. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
8. Демьянков В. З. Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике: № 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 223-235.
9. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. № 1. С. 143-144.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. I. 671 с.
11. Одесский М. П. Поэтика власти на Древней Руси // Древняя Русь. 2000. № 1.
12. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. — Перевод с английского Д. Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
13. Словарь логических терминов. М., 1998.
14. Степанова И. М. Доклад «Коли не ложь – так правда» Материалы научной конференции Филология в системе современного образования 22-23 июня 2004 года. № 7. М.: УРАО, 2004.
15. Стросон П. Значение и истина // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. 528 с.
16. Шейман М. М. Вера в дьявола в истории религий. М.: Наука, 1977.
17. Bouton C. L'histoire dont les événements sont des pensées. Hegel et l'histoire de la philosophie. In Revue philosophique de Louvain. Quatrième série, T. 98, no 2, 2000.
18. Jean Chauvineau. La logique moderne. Paris: P.U.F, 1980. 128 p.
19. «Centre Nationale de Ressources Textuelles et Lexicales» [Электронный ресурс] URL:

<https://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 08.03.2023).

20. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
21. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.
22. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
23. 汉语大词典编纂处. 上海: 上海辞书出版社, 2011年. 10080页.
24. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库 [Электронный ресурс] URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 19.03.2023).
25. 李圃. 古文字诂林. 上海: 上海人民出版社, 2004年. 896页.
26. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典(第12版). 北京: 商务印书馆, 2020年. 699页.
27. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
28. 荣世伦. 今译今解《道德经》. 北京: 华龄出版社, 2022年. 357页.
29. 王志源. 易经讲义. 济南: 山东大学出版社, 2021年. 214页.
30. 内篇·齐物论 [Электронный ресурс] URL: <https://www.enruo.net/guwen/zhuangzi/3455.html> (дата обращения: 21.03.2023)
31. 朱熹. 河南程氏遗书. 上海: 商务印书馆, 1935年. 380页.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концепта «истина» в языковой картине мира носителей трех языков.

Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской школы когнитологов являются ценными, так как данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами. Кроме того, актуальным является сопоставительный характер исследования.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако вводная часть не содержит отсылок к работам предшественников по данной тематике.

Библиография статьи насчитывает 27 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на китайском языках. Считаем, что работы на французском языке по исследуемой проблематике, несомненно, обогатили бы работу. К сожалению, в статье

отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Однако в тексте статьи присутствуют неточности, опечатки и орфографические погрешности, например, «Идея познаваемости непознаваемости», «правдаложь»

При наборе слов французским шрифтом упущены надстрочные знаки, являющиеся обязательными по правилам орфографии.

Тезисы 1-8 взяты из работы Арутюновой, не цитация не оформлена должным образом. Ссылка на работы Маковского отсутствует в тексте при его цитировании.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах» может быть рекомендована к публикации в научном журнале только после внесения корректив: 1) уточнение практического языкового материала исследования для каждого из рассматриваемых языков; 2) уточнения ссылок на цитируемые работы; 3) исправление опечаток и орфографических неточностей; 4) актуализация библиографического списка.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема, которая поднимается в рецензируемой статье, является не новой, однако, актуальность разработки или систематизации данных в указанных пределах злободневна. Как отмечает в начале работы автор, «категории истины, истинного, как и ложного, по-разному трактуются на протяжении развития европейской цивилизации представителями различных философских течений». Бесспорно, «идея познаваемости/непознаваемости мира, непосредственно примыкающая к представлениям о специфичности истины, со времен античности делит не только философов, но и обычных граждан на два лагеря: одни полагают, что они знают или могут знать истину в отношении чего-либо, другие уверены, что нет и истина является предметом специального знания». Работа имеет признаки синкретического характера, что, на мой взгляд, продуктивно, концептуально, при этом анализ вопроса может быть сделан объективно и точно. Исследование включает исторические справки, отсылки к объективным данным: например, «истина – достоверное знание, объективное знание, доступное не человеку, но лишь высшему началу, связано со староставянской истиной, обозначавшей правду, верность, законность. В «Судебнике» 1497 года, своде русского государства, слово истина встречается в значении «основной, без процентов капитал», производно от истый – подлинный, действенный, настоящий. Это суть, квинтэссенция русского понятия «истины»: истина это то, что есть, то, что можно предъявить, уже отмечено у Даля. Даль комментирует это значение так: истина – наличные деньги, то есть не мнимое, оборотное или долговое богатство, а истинное, наличное». Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, терминологический состав используется унифицировано. Думается, что компаративный принцип анализа – русский язык, французский, китайский – наиболее выигрышен и удобен. Текст дифференцирован на части, они логически совместимы друг с другом. Работу отличает точность выражения авторской позиции, умение логически верно аргументировать тот или иной тезис. В

статье налицо достаточно количество иллюстраций и примеров: «сочетаемость слова *verité* показывает нам, что это понятие имеет положительную коннотацию, часто встречается со сниженными глаголами и прилагательными (*grosse, farder*), характеризует мирскую человеческую ипостась (*verité imparfaite et provisoire*), связана с общением, социальной жизнью, но не борьбой, воспринимается человеком как внешний предмет или персонаж, с которым, впрочем, никак не идентифицируется. Отметим также, что описанный у Чезаре Рипо образ по всей видимости характеризует высший философско-теологический взгляд на *verité*, отражающий лишь фрагменты бытовой образной конкретизации. Контексты, персонифицирующие *verité* в качестве агрессивной силы, немногочисленны, французская правда может ранить и оскорблять, но дальнейшего развития «воинствующего» образа *verité* не произошло», или «во время династий Северной Сун (960-1127) и Южной Сун (1128-1279) появилось течение неоконфуцианство, имеющее 3 названия: 宋学 *sòngxué* «учение Сун», 理学 *lǐxué* «учение Ли», 道学 *dàoxué* «учение Дао». Несмотря на то, что они подразумевали одно и то же, акцент в них делался на разное. В первом варианте название появилось благодаря времени возникновения данного философского направления и имело обобщающий характер. Во втором и третьем названиях уклон делается на разницу в содержании философского мнения: в «учении Ли» считали, что «理» ǐ — это вечная духовная сущность, существующая до Вселенной, и все в мире может быть выведено только из «理» ǐ; в «учении Дао» считали, что субъективное сознание есть источник всего в производном мире, или «если посмотреть на сочетаемость лексемы 真谛 *zhēndì*, можно заметить практическое отсутствие сочетаний с глаголами: в большинстве случаев слово употребляется в форме «истина чего-то», например, 管理的真谛 *guǎnlǐ de zhēndì* «истина менеджмента», 宇宙的真谛 *yǔzhòu de zhēndì* «истина вселенной», 人生的真谛 *rénshēng de zhēndì* «истина жизни» и т. д. Несмотря на весьма популярную используемость в современном китайском языке, слово ассоциируется все же только с изначальным буддийским значением, которое обозначает высшую правду какой-либо деятельности. Оно не смогло получить более глубокое развитие в китайской языковой картине мира» и т.д. Тема исследования раскрыта полновесно, целостно; заключительный блок работы ориентирован на обобщение полученных данных, при этом табличный вариант наиболее удачен. Цель работы достигнута, поставленный ряд задач решен. Считаю, что материал будет уместно использовать в режиме освоения ряд лингвистических дисциплин. Список источников объемов, формальные требования издания учтены. Рекомендую рецензируемую статью «Представление об истине в русском, французском и китайском языках и культурах» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».